

А.Е.Иванов

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Ivanov, A.E. "Social Character of the Russian Student Community in the Late XIX–Early XX Century".

This article examines the social structure of the Russian student community. He gives exact percentage relations between the leading classes and class "demos" (author's expression) in all main universities and institutes of the Russian Empire, including various courses for women. The author draws the conclusion that by this time representatives of all classes were present in the social structure of the student community: the share of noblemen and officials had considerably decreased in all examined educational institutions by the early XX century.

Социальная природа российского студенчества являлась производной сословного строя Российской империи и находила выражение в социальном составе студенчества, в конце XIX – начале XX в. вбиравшего в себя представителей всех сословий, на которые было раздроблено российское общество. Эта проблема исследована нами в монографии «Высшая школа России в конце XIX – начале XX в.» (Иванов 1991: 258–283) на базе представительного банка статистических данных (аккумулированы в 9 таб-

лицах) из годовых отчетов и статизданий ведомств, управлявших высшей школой, и подведомственных им учебных заведений. Помимо историко-реконструктивной (установление сословной структуры студенчества), это исследование имело целью выявление ведущих социальных тенденций формирования всероссийского студенческого контингента в конце XIX – начале XX в. Наиболее значимой, имевшей базисный характер, была тенденция к сословной демократизации состава студенчества, выражаемой в перераспределении академического учебного пространства между представителями «первенствующих» сословий (отпрыски потомственных, личных дворян и чиновников) и сословным «демосом» (дети купцов, мещан, цеховых, мастеровых, казаков, крестьян и пр.) в пользу последнего. Абсолютная численность студентов из дворян-чиновников после первой русской революции утратила положительную динамику и неуклонно сокращалась. Наиболее рельефно данная тенденция выразила себя в университетах, которые как раз и предназначались в первую очередь для выходцев из дворянско-чиновничьей среды, а по численности учащихся опережали любые типы высших учебных заведений. В 1900 г. там обучалось 8054 представителей «первенствующих» сословий; в 1908 г. – 14 582, в 1916 г. – 8736 человек (немногом больше, чем в 1900 г.). В 1900 г. их доля в контингенте универсантов равнялась 52%, в 1908 г. – 41.2%, в 1916 г. – 34%. При этом наиболее интенсивно убывающей категорией были дети потомственных дворян. Немаловажен также факт крайне неравномерного распределения студентов из дворян-чиновников между университетами: 72% их по состоянию на 1 января 1914 г. концентрировалось в Петербурге (27%), Москве (30%), Киеве (15%). В то же время в Томском университете эта категория студентов составляла менее 2%, а в Саратовском – 1% (Иванов 1991: 267–269).

Сокращалась процентная доля дворянско-чиновничьей части студенческого контингента и в инженерно-промышленных высших учебных заведениях. Правда, они и предназначались в первую очередь для выходцев из буржуазных и околобуржуазных слоев общества. В инженерных институтах Министерства народного просвещения представительство дворян-чиновников снизилось с 40,5% в 1895 г. до 24,6% – в 1914 г.

Старейшие из инженерно-заводских технологические институты (Петербургский, Харьковский, Московское техническое училище) с архаической двухфакультетной структурой, с крайне перегруженными программами преподавания, рассчитанными на универсализм инженерной подготовки студентов, были малопривлекательны для юношей из привилегированных сословий.

Большой популярностью среди них пользовались новомодные многопрофильные политехнические институты, дававшие узконаправленную инженерную подготовку. Наиболее многолюдными из них были Петербургский и Киевский политехникумы, где в 1914 г., например, было 35% выходцев из дворян и чиновников. Но и здесь удельный вес последних снижался. Так, в Киевском политехникуме он упал с 49% в 1898 г. до 34% в 1915 г. Аналогичный попятный процесс наблюдался и в популярном среди дворянской молодежи Петербургском горном институте: в 1896 г. здесь было 60% детей дворян и чиновников, в 1914 г. – около 32% (Иванов 1991: 274–275).

Убывала процентная доля детей дворян и чиновников и в институтах аграрного профиля.* В 1895 г. она находилась на уровне 55%, в 1915 г. – 22,7%. Анкетирование в 1914 г. студентов Московского сельскохозяйственного института (229 человек – 15%) не зафиксировало ни одного наследника имения (Иванов 1991: 274–276).

Удельный вес дворянско-чиновничьих отпрысков в составе студентов прочих высших учебных заведений, включая малолюдные дворянско-кастовые Александровский лицей и Училище правоведения, был еще меньше. И все же даже динамично убывавшее по численности представительство дворян-чиновников в российской высшей школе было несоразмерно с их ничтожной долей в социальной структуре населения империи.

Приведенные выше данные в известной степени формальны, поскольку выявлялись и группировались по единственному титульному признаку. Для достоверного социального портретирования студентов, принадлежавших к «первенствующим» сословиям (а также и ко всем прочим),

* Московский сельскохозяйственный, Новоалександрийский сельского хозяйства и лесоводства, Лесной (Петербург) и Межевой (Москва).

необходимо обладать по крайней мере типологическими представлениями о роде занятий их родителей, не говоря уже об отношении последних к недвижимости, капиталу, об источниках и уровне их доходов.

Поиски документальных носителей такой системной информации вывели нас на собранные в 1908 г. Инспекторским отделом Московского университета сведения о материальном положении родителей будущих 159 абитуриентов – выпускников 1-й, 2-й, 3-й гимназий и лютеранского Петропавловского училища (гимназическое отделение) Москвы, а также гимназии в Ельце, Московского учебного округа (ЦГИАМ. Ф.418. Оп.322. Д.2129. Л.4–7, 9–16, 18–72 об., 75–89 об.) (будем именовать эту группу «контрольной»).

47 человек из 159, или 30%, относились к категории потомственных (27), личных дворян (4) и чиновников (16 человек). Различия между ними были достаточно условными, поскольку в основном это была служилая публика, состоявшая на казенном денежном содержании (от 600 руб. до 6 тыс.руб. в год), получившая от имперского государства чины (от XII – губернский секретарь до IV – действительный статский советник), награды, сословные привилегии. Только 5 человек были землевладельцами, притом мелкопоместными (от 60 до 760 дес.), а следовательно, в полной мере соответствовали статусу потомственного дворянства. И только вдова члена Московского окружного суда, урожденная княгиня Голицына, представляла в этом конгломерате дворян-чиновников древний аристократический род.

Среди персон, из которых составила эта дворянско-чиновничья группа, были и такие, что трудились в сфере буржуазного предпринимательства: фабрикант, владелец комиссионной конторы, служащие торгового дома и на железной дороге, продавщица казенной винной лавки. Кстати, все они были дворянами. Факт – симптоматичный, свидетельствующий о том, сколь разрушителен капитализм был для сословного строя империи, если вторгся в пределы самого опекаемого самодержавием сословия, отторгая от него пополнения буржуазного и мелкобуржуазного «третьего элемента». В эту же социальную категорию попадали и те из детей дворян-чиновников, которые миновали государеву службу, отдавшись частнопредпринима-

тельской деятельности в области адвокатуры или медицины.

Можно предположить, что из этой среды порывавших старые сословные связи, изменявших профессиональным дворянским традициям, сливавшихся с торгово-промышленным классом в значительной степени пополнилась дворянско-чиновничья (по титульному признаку) часть студентов народнохозяйственных институтов. В связи с этим особенно показательна учеба выходцев из дворян-чиновников в корпоративно-буржуазных коммерческих институтах. В 1912–1915 гг. в крупнейшем из них – Московском – этому элементу устойчиво принадлежало 16% учебных мест (Иванов 1991: 276).

Приведенный выше материал о доходах и занятиях родителей 47 абитуриентов Московского университета, происходивших из дворянско-чиновничьей среды, явственно подтверждает вывод В.Р.Лейкиной-Свирской: «Сословная принадлежность к дворянству покрывала пеструю массу людей, различных по социальному положению, в том числе деклассированных дворян – фактических разночинцев» (Лейкина-Свирская 1971: 60).

В какой-то мере близко по общественному и материальному положению к служилому дворянству стояло духовенство, дети которого составляли традиционно компактную группу студентов светских высших учебных заведений.

Определяющая роль в процессе демократизации социального состава студентов российской высшей школы принадлежала выходцам из городских и сельских сословий (часто в первом поколении), причастных к торгово-промышленной деятельности (купцов, почетных граждан, мещан, цеховых, мастеровых, крестьян, казаков).

Весь этот многосословный студенческий конгломерат безраздельно господствовал в народнохозяйственных институтах, предназначенных ему самим контекстом правительственной академической политики. Так, в 5 инженерных институтах ведомства Министерства народного просвещения* его представительство выражалось в следующих процентных показателях: в 1895 г. – 57,5%, в 1906 г. – 69,5%; в 1916 г. – 76,2% (Иванов 1991: 274). Сходную

* Петербургский, Томский, Харьковский технологический, Рижский политехнический институт, Московское техническое училище.

картину рисует статистика по институтам аграрного профиля: 1895 г. – 41,2%; в 1908 г. – 63%; в 1915 г. – 72% (Иванов 1991: 272–274).

Более чем весомую и быстро растущую в начале XX в. группу студенты из городских и сельских сословий составляли и в не предназначавшихся для них университетах и высших учебных заведениях университетского типа, готовивших основную массу высококвалифицированных чиновников-исполнителей среднего звена для государственного аппарата. В 1900 г. эта категория студентов составляла 38,6%, в 1908 г. – 46,1%, в 1916 г. – 55% универсантов (Иванов 1991: 271).

Какие же социальные субъекты из городских и сельских сословий были воплощением приведенных выше усредненных данных? Их многословную иерархию венчала привилегированная группа купцов, фабрикантов, рантье, наиболее полно воплощавшая приметы европеизированной части российской цензовой буржуазии из купцов I и II гильдий, для которой высшее образование детей было уже осознанной необходимостью. Так, среди абитуриентов Московского технического училища 1898 г. были отпрыски виднейших купцов и промышленников Д.Арцыбушев, Платон Мамонтов, Сергей Морозов, Сергей Голофатьев, Михаил Константинов, Иван Милованов (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4997. Л.8).

О том же свидетельствуют и многочисленные ходатайства представителей торгово-промышленного класса о приеме в Училище тех из своих детей и родственников, которым не удалось набрать проходных баллов на вступительных испытаниях. Купеческий сын Н.Н.Карачистов в просьбе о приеме брата (1900 г.) (набрал 17 баллов из 20) писал попечителю учебного округа: «...При господствующем в высших сферах убеждении в недостатке технического образования наших производителей, как кустарей, так и фабрикантов, тяжелые конкурсные экзамены, ... на которых воспитанники из провинциальной глуши всегда бываю побиты, делают высшие технические учебные заведения для наших детей совершенно недоступными и отнимают у всего класса провинциальных промышленников всякую охоту подготавливать детей к высшему промышленному образованию». Ходатай полагал, что прием его брата в Московское техническое училище послужил

бы ко благу «потребностей местной промышленности села Павлово Нижегородской губернии» (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4997. Л.106).

Золотопромышленник М.Н.Крашенинников писал в 1903 г. директору Училища по поводу не прошедшего конкурса сына Владимира: «...для моих промышленных занятий необходимо, чтобы старшой сын имел техническое образование» (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.5450. Л.4).

В том же 1903 г. управляющий Отделением промышленных училищ Министерства народного просвещения Н.Талвилдаров ходатайствовал перед попечителем учебного округа за сына владельца фабрики ковровых изделий И.Брунова: «Представлялось бы желательным, чтобы будущий владелец единственной в России фабрики, vyrabatyvaющей ковры собственной набивки, обладал высшим техническим образованием» (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.2129. Л.62 об.).

Учились купеческие дети и в университетах, в основном юриспруденции. За типологической информацией о родителях таковых вернемся к сведениям о материальном положении 159 абитуриентов (контрольная группа), собранным в 1908 г. Инспекторским отделом Московского университета. Из них явствует, что это была мелко- и среднекупеческая публика, державшая главным образом торговое дело, с доходами в 2,5–5 тыс.руб. годовых, обладавшая недвижимостью в виде городских домов, загородных дач и небольших земельных угодий. Лишь одна персона (из 14-ти принадлежавших к купеческому сословию), обладавшая годовым доходом в 35 тыс.руб., да еще усиленным наличием имения, может быть отнесена к преуспевающим дельцам.

Среди родителей контрольной группы абитуриентов-универсантов (159 человек) была категория лиц, по роду деятельности неразрывно связанная с купеческими торгово-промышленными предприятиями, например, доверенный торгового дома, бухгалтер, канцелярист, присяжный поверенный и пр. Труд этих околокупеческих персонажей нередко оплачивался относительно высоко.

Единую природу с российским купечеством имели так называемые «иностранцы», отпрыски которых наличествовали фактически во всех имперских высших учебных заведениях. За малым исключением, это были дети нату-

рализовавшихся в России иностранных предпринимателей по роду деятельности, образу жизни слившихся с местной цензовой буржуазией. В 1900 г. в Московское техническое училище поступал сын владельца стекольного, сыроваренного и кирпичного заводов в Тифлисе Арнольд фон Кученбах, бывший прусский подданный (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4997. Л.114). В 1903 г. группа профессоров Технического училища (Н.Е.Жуковский, П.Петров, Худяков и др.) обратилась к попечителю Московского учебного округа с просьбой оказать уважение американскому инженеру А.В.Бари и принять сверхкомплектно его сына (набрал 19 баллов из 20 проходных). Бари являлся владельцем и руководителем Технической конторы «с миллионными оборотами и разнообразными инженерными и техническими работами, интересными и в смысле научном». В письме подчеркивалось, что контора Бари являлась «своеобразной промышленной школой» для выпускников Училища, которую ее хозяин снабжал новейшим американским техническим и лабораторным оборудованием. «Будучи американцем, инженер А.В.Бари ... может служить образцом для подражания всякому русскому предпринимателю», – подчеркивали авторы письма (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.5659. Л.49 об.).

Нашлись «иностранцы» и в нашей контрольной группе из 159 абитуриентов. Это были выпускники гимназического отделения немецкого училища при лютеранском Петропавловском соборе в Москве (Петропавловское). Как сообщил его директор в Правление Московского университета, двое из пяти абитуриентов были «наименее обеспечены» (сын пастора и сын служащего в торговом доме), прочие же были «вполне обеспеченными» (ЦГИАМ. Ф.418. Оп.322. Д.2129. Л.73 и об.).*

Основную массу студентов из демократических сословий составляли представители «средних» городских слоев, в основном мещан как самого многочисленного элемента городского «демоса», а также «цеховых», «мастеровых» и пр., втянутых в круговорот мелкого капиталистического пред-

* В 1900 г. в Московское техническое училище поступал сын инспектора Петропавловского училища Генрих Кох, который по достижении совершеннолетия собирался перейти из германского подданства в российское (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4997. Л.114).

принимательства, центральное место в котором принадлежало торговле. Все они были домовладельцами, получавшими дополнительный доход от сдачи в наем квартир, комнат, «углов». В целом это была разнообразная по степени достатка социальная общность. Например, доходы родителей абитуриентов мещанского сословия из нашей контрольной группы в 159 человек колебались в границах 900 руб. – 12 тыс. руб. в год (ЦГИАМ. Ф.418. Оп.322. Д.2129. Л.9–11). Такой значительный разброс в доходах предопределял и разные возможности мещанских семей дать своим детям высшее образование.

Несколько примеров на этот счет из истории Московского технического училища. В 1903 г. в письме на имя его директора некий мещанин К.К.Викторов писал, что из-за отсутствия необходимых средств не мог помогать сыну Борису в получении среднего образования. Между тем тот самостоятельно подготовился к экзаменам на аттестат зрелости при 1-м Московском кадетском корпусе, а на конкурсных испытаниях в Училище получил 19 баллов из требуемых 20 (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.5450. Л.9).

Из другого письма, мещанина Н.И.Кузнецова директору Технического училища, узнаем, что сын его Александр, не набрав на вступительных экзаменах должного количества баллов (19 из 20) и будучи не принят в студенты, безвозвратно лишается права на получение персональной стипендии Общества купеческих приказчиков, без которой его учеба в будущем невозможна. Проситель писал, что крайне ограничен в средствах, поскольку обеспечивает учение второго сына в коммерческом училище, а трех дочерей – в гимназии (ЦГИАМ. Ф. 459. Оп. 2. Д. 5450. Л.18 и об.).

Оба ходатайства остались без последствий, в первую очередь потому, что просители не имели влиятельной поддержки, такой, скажем, как поступивший в Техническое училище в 1900 г. мещанин по сословной принадлежности Н.Беляев, также набравший 19 из 20 проходных баллов. За последнего, по личной рекомендации товарища министра народного просвещения Н.А.Зверева, ходатайствовал юрисконсульт Собственной его императорского

величества канцелярии Н.Лебедев. Скорее всего, он хорошо знал семью своего подопечного, если писал о нем: «Беляев мне известен с самой лучшей стороны. Скромный, трудолюбивый, вырос он в семейной обстановке и отличается робостью и застенчивостью. Несмотря на хорошую подготовку, ... он на экзаменах теряется и не может конкурировать с более спокойными соперниками». Ходатайство поддержал также профессор Московского университета К.А.Андреев. Можно лишь гадать о причинах благорасположения весьма заметных в обществе особ к семье столь незначительного сословного калибра, но факт налицо: ее общественное положение было достаточно высоким. В такой же «семье, со средствами, купеческой по положению, мещанской по происхождению» родился и провел раннее детство во второй половине 80-х годов XIX в. академик Н.М.Дружинин. «Мы жили собственным домом, – писал он в своих дневниках, – имели лошадей, водили широкое знакомство, были гостеприимны; отсутствие узкого скопидомства, внешнее “благородство” и некоторый налет интеллигентности сближал нас со средними дворянскими семьями...» (Дружинин 1990: 263).

В таких «размещенных» семьях – а их в конце XIX – начале XX в. становилось все больше – хорошему образованию детей придавалось первостепенное значение. Процесс культурно-бытового размывания сословного строя обнаруживал себя и в этом явлении.

Типичным персонажем студенческого сообщества был выходец из сословия крестьян. Численность таковых неуклонно росла в высших учебных заведениях всех типов, в первую очередь народнохозяйственных. При этом анализ данных сословной статистики студентов выявил интересный факт: основная часть молодежи крестьянского сословия, искавшей высшего образования, предпочитала институтам аграрного профиля инженерные, коммерческие и даже университеты. Это привело нас к заключению, что подавляющее большинство студентов из крестьян имели городское происхождение и входили в сельское сословие лишь номинально. Группа же природных студентов-крестьян была малочисленна. Даже институты аграрного профиля, притом в годы наибольшего наплыва в них детей «сельских хозяев» (1908–1915), на 70–80% были укомплектованы выходцами из городских сословий и только на

20–30% – представителями крестьян-землевладельцев (Иванов 1991: 274).

Этому явлению, казалось бы, парадоксальному для страны, более аграрной, нежели индустриальной, в отчете Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия от 1 января 1913 г. дано следующее объяснение: «Земледельческому классу населения слишком трудно подготовить детей для высших требований приема в эти учебные заведения» (Краткие статистические сведения 1913: XIII).

Чаще всего студенты из городского крестьянского сословия были детьми мелких предпринимателей. Например, среди 159 абитуриентов нашей контрольной группы обозначен сын «торговца-приказчика», дохода которого хватало только на обучение двух сыновей. Встречались среди родителей таких и мелкие чины городской администрации, например околоточный надзиратель Гомеля, сын которого учился в 1910 г. в Московском сельскохозяйственном институте (ЦГИАМ. Ф.228. Оп.4. Д.14. Л.61) Иногда глава семьи был столь состоятелен, что мог своему сыну, Михаилу Суменкову, дать среднее образование в привилегированном Московском частном реальном училище инженера Мазинга и обеспечить ему при поступлении в Московское техническое училище покровительство князя А.Т.Гагарина, директора Петербургского политехнического института (ЦГИАМ. Ф.459. Оп.2. Д.4997. Л.114). Скорее всего, он входил в ширившийся круг тех преуспевших в капиталистическом предпринимательстве городских крестьян, которые благодаря своему богатству могли не утруждать себя заботами о повышении собственного сословного статуса, считая это малосущественным для общественного положения и профессиональной деятельности.

Частью сословной студенческой демократии были потомки интеллигенции из так называемых «лиц свободных профессий»* – частнопрактикующих адвокатов, врачей, архитекторов, инженеров по найму, художников, актеров, музыкантов и др. Однопорядковую с ними социальную природу имели и служащие земско-городских органов самоуправления (врачи, учителя, агрономы, статистики и пр.) – так называемый «третий элемент».

* Точнее, это была надсословная категория студенчества.

личие от интеллигенции, служившей в государственном аппарате, не были прикосновенны к имперским чинам и наградам, а следовательно, не имели, да и не искали перспективы выслужить личное или потомственное дворянство. Для данной категории интеллигенции, свободной от сословных и чиновнопроизводственных пут, добротное образование, включая и высшее, было едва ли не главным знаком общественного положения, глубоко почитаемой традицией воспитания последующих своих поколений.

Демократическим по составу студентов (мужского и женского пола) было Высшее художественное училище живописи, скульптуры и архитектуры Академии художеств. Главным фактором их отбора из абитуриентов была природная даровитость. В известной мере об этом свидетельствует факт примерно равного в 1914 г. представительства в этом учебном заведении дворян-чиновников (240 человек, или 28%), из мещан, цеховых и прочих городских сословий (233 человека, или 27,2%), а также из крестьян (241 человек, или 28,1%) (Иванов 1991: 282).

Более естественно, выпукло, мобильно процесс социальной структуризации учащихя протекал в негосударственной высшей школе, где обучались те, кому не находилось места в правительственных университетах и институтах. Общественные и частные высшие учебные заведения испытывали меньший пресс регламентирующе-бюрократического воздействия в виде сословных, национальных, половозрастных и прочих ограничений для абитуриентов. Об этом, в частности, свидетельствует факт несистематичности, а часто и полного отсутствия подобного рода статистики в отчетной документации таких, например, крупных учебных заведений, как Московские высшие женские курсы (бывш. Герье), Психоневрологический институт в Петербурге, консерватории и некоторые другие.

По обилию источников наиболее возможно обобщающее социальное исследование высших женских курсов университетского уровня. Сопоставительная комбинация данных о сословном составе слушательниц Бестужевских в Петербурге и семи провинциальных высших женских курсов* позволила составить представление о ведущих тен-

* Казанские, Киевские, Новочеркасские, Одесские, Сибирские (в Томске), Харьковские (Общества взаимодействия трудящихся женщин), Юрьевские.

денциях формирования социального состава курсисток самого представительного по численности учебных заведений и контингенту слушательниц «женского сектора» российской общественно- частной высшей школы.

Как и в государственной высшей школе, самая динамичная группа курсисток пополнялась из городских непривилегированных сословий. Наиболее быстрыми темпами она возростала, например, на Московских высших женских курсах: в 1904 – 378 человек, или 35,6% контингента слушательниц (Отчет 1905: 12), в 1912 г. – соответственно 3671, или 67,2% (История СССР 1965: 178). На Петербургских Бестужевских соответствующие данные в те же годы выглядели следующим образом: 504 человек, или 23,6% контингента курсисток (Отчет 1906: 21–22), и 2 567, или 41,2% (Отчет 1914: 21–22).

Москва, в структуре населения которой торгово-промышленная часть была более многочисленной, явно опережала Петербург по степени сословной демократизации состава соискательниц высшего образования. В 1910–1914 гг. выше 40-процентной отметки стабильно держалась доля слушательниц из непривилегированных сословий в провинциальных высших женских курсах (Иванов 1991: 281).

Минимальной по численности и процентной доле была группа курсисток из крестьянского сословия (Иванов 1991: 280–281).

Преобладавшая на рубеже веков на всех университетских женских курсах дворянско-чиновничья группа слушательниц к 1914 г. была существенно потеснена выходцами из городских сословий. Ее позиции в значительной степени определялись региональными условиями. Наиболее предпочтительная для дворян-чиновников ситуация сохранялась, например, на Бестужевских курсах, хотя и здесь процентная доля данной группы за полтора десятилетия (1898–1914 гг.) сократилась на 1/3. Первый в России по известности женский университет, естественно, притягивал к себе девушек из наиболее образованных семей, главным образом чиновного Петербурга. Для провинциалок Бестужевские курсы были менее доступны.

По-иному сложилась судьба дворянско-чиновничьей группы на крупнейших в России Московских женских кур-

сах, где ее абсолютная численность нарастала чрезвычайно замедленно, а удельный вес в контингенте учащихся стремительно понижался: 573 человек (54%) в 1904 г. (Отчет 1905: 12) и 851 (17%) – в 1912 г. (История СССР 1969: 178). В населении второй столицы чиновничий элемент был менее весом. Приезжие сталкивались соответственно с меньшей конкуренцией со стороны москвичек при поступлении в это учебное заведение.

В провинциальных высших женских учебных заведениях численность дворянско-чиновничьей группы в плотную шла за буржуазно-сословной. Она состояла в основном из местных уроженок, а потому убывала не столь быстро, как на Московских высших женских курсах, где обучалось много приезжих, являвшихся самой текучей частью учащихся.

Провинциальные высшие женские курсы, особенно Киевские, привлекали в гораздо большем числе, нежели столичные (из-за дорогой жизни в Петербурге и Москве), выпускниц епархиальных училищ, происходивших, как и семинаристы, из малодостаточных священнослужительских семей.

Какова же была реальная социальная среда, воплощаемая приведенными данными о сословном составе курсисток? Ответ на этот вопрос кроется в сведениях о профессиональном составе семей, из которых вышли курсистки. Эти сведения предоставляют нам материалы проведенной в 1909 г. переписи слушательниц Бестужевских высших женских курсов. Из 1369 человек, ответивших на вопрос «Занятия или иные источники дохода родителей», первое место – 357 человек, или 24,4%, принадлежало дочерям лиц «интеллигентных» или «свободных» профессий (ученая и учебная служба, врачи, адвокаты, инженеры, деятели литературы и искусства, служащие земско-городского самоуправления). За ними шли дочери действовавших и отставных чиновников – 320 человек, или 23,4%.

С точки зрения статистической технологии их можно объединить в одну группу (677 человек, или 48,0%), поскольку до известной степени это была близкая по природе умственного труда просвещенная (в разной степени) публика, для которой добротное образование детей, в том числе и дочерей, было делом семейной традиции и общественного престижа.

Родители 558 (41%) участниц анкетирования представляли сферу материального производства: 462 человек, или 31%, – торгово-промышленного (владельцы и служащие предприятий, жившие с дохода от капитала и недвижимости); 137 (10%) – землевладельцы и крестьяне-хлебопашцы.*

Скорее всего, в быту многих, если не большинства, этих людей, своим жизненным укладом представлявших буржуазную тенденцию социально-экономического развития России, высшее образование дочерей было явлением новым, нетрадиционным, но дававшим ощущение причастности к культурному миру.

Анализируя социальный состав анкетированных бестужевок, организатор переписи профессор А.А.Кауфман пришел к следующему заключению: «По сословному признаку можно было бы заключить, что уже довольно значительную роль среди курсисток играют те слои населения, которые принято обозначать названием народа». В действительности таких «демократических», или «народных», элементов несравненно меньше. К таковым он отнес 32 (2,4%) ремесленника и рабочих, 23 (1,7%) хлебопашцев-крестьян, а также оказавшихся в группе «прочих» («мать держит нахлебников», «мать – прислуга», «отец – сторож») (Русская мысль: 65).

Нелишне заметить, что неправительственные женские учебные заведения университетского класса были существенно демократичнее по социальному составу слушательниц государственных петербургских женских Педагогического и Медицинского институтов. В первом из них в 1905 г. представительницы господствующих сословий составляли 64,4% контингента студенток (ЦГИА СПб. Ф.918. Оп.1. Д.5288. Л.4 об.). В Женском медицинском институте процент таковых в 1903 г. составлял 55,1 (ЦГИА СПб. Ф.436. Оп.1. Д.4679. Л.8), а в 1913 г. – 41,2 (ЦГИА СПб. Ф.436. Оп.1. Д.4720. Л.19).

Своей спецификой, видимо, были отмечены социальные процессы, протекавшие в женских инженерных учебных

* Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб., 1912. С.6. В годовых отчетах Курсов в круге данных о сословном составе слушательниц значились дочери и жены лиц с учеными степенями, присяжных поверенных, артистов.

заведениях. Правда, достаточно обоснованным суждениям на этот счет мешает отсутствие у автора сословной статистики по крупнейшему из них – Петербургским высшим политехническим курсам (с 1915 г. – институт). А вот соответствующие данные по малолюдным Петербургским женским курсам высших архитектурных знаний Е.Г.Багаевой и Л.П.Молас позволяют предположить, что инженерное поприще избирали женщины преимущественно из интеллигентных дворянско-чиновничьих и буржуазных семей. В 1915 г. таковые в совокупности составляли 86,2% всех слушательниц (159 человек) курсов. Необходимо было обладать достаточно высоким уровнем общественно-культурного сознания, чтобы послать свою дочь учиться такому неженскому, по представлениям того времени, делу, как инженерное (Иванов 1991: 282).

Среди высших учебных заведений со смешанным половозрастным составом студентов наиболее буржуазными в сословном отношении были корпоративно-купеческие коммерческие институты. Например, в самом крупном из них – Московском коммерческом институте – в 1915 г. обучалось 5389 человек, из которых 84,4% происходило из буржуазных и околобуржуазных сословий, включая 31,1% детей купцов и почетных граждан (Отчет 1917: 6–7). В 1913 г. во втором по величине коммерческом институте – Киевском – численность буржуазно-сословных по происхождению студентов составляла 70% (от 4351) (Обзор 1913).*

Демократической по сословному составу учащихся была группа высших учебных заведений, готовивших деятелей искусств – московские училища Живописи, ваяния и зодчества и Музыкально-драматическое (филармоническое), консерватории в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе, Саратове. В этом отношении они мало чем отличались от коронного Высшего художественного училища при имп.Академии художеств. Сословно-профессионально-корпоративные ориентации их абитуриентов пасовали перед природной предрасположенностью последних к

* Характерной чертой этого учебного заведения была многочисленность среди его студентов выходцев из духовного сословия – 23,5%.

занятиям музыкой и художествами. Другое дело – фактор материальный, очень часто становившийся непреодолимой преградой на пути даровитой молодежи к профессиональному искусству, особенно музыкальному. В консерваторию мог поступить только имевший предварительную профессиональную подготовку. Это были преимущественно выходцы из интеллигентских или состоятельных буржуазных семей. В 1914 г., например, в Киевской консерватории из городских сословий было 525 человек, что составляло 61% учившихся там студенток и студентов, а из «первенствующих» сословий – 233 человека, или 27% (Обзор 1913: 279).

Наиболее доступными для лиц обоего пола любого образовательного ценза, общественного положения, материального достатка, возраста были академические отделения народных университетов в Москве им. А.Л.Шанявского, в Томске им. П.И.Макушина, в Нижнем Новгороде. Так, например, в первом из них в 1908–1916 гг. обучались мужчины и женщины, 40–50% которых не имели права поступления в высшую школу за отсутствием среднего образования. До 60% слушателей сочетали учебу в нем с работой. Согласно отчетной документации, это были: 1) «служащие» (чиновники, военные, моряки, служащие в земствах, счетоводы, бухгалтеры, конторщики, библиотекари, портнихи, рабочие, заводские мастера); 2) учителя и учительницы; 3) учащиеся других высших учебных заведений; 4) представители «свободных профессий» (инженеры, химики, агрономы, литераторы, журналисты, артисты, адвокаты, коммерческие и общественные деятели, лица, занимавшиеся сельским хозяйством); 5) «ведущие самостоятельное хозяйство» (занимающиеся домашним хозяйством, живущие при родителях) (Воробьева 1979: 176–178).

В таком многопрофессиональном конгломерате самостоятельных людей, искавших не диплома о высшем образовании, а высшего научного знания, растворялись какие бы то ни было социальные различия, кроме, пожалуй, одного – материального, от которого в конечном счете зависела возможность учебы. В основном это была публика, по социальной классификации относившаяся к «средним» городским слоям.

В целом протекавшие в конце XIX – начале XX в. в недрах российского высшего образования процессы социальной структуризации студенчества были проекцией процессов формирования общегражданского бессословного общества, присущих России той эпохи. Они нивелировали результаты правительственных усилий превратить высшую школу в инструмент расчленения общественных функций дипломированных специалистов по признаку сословности: дворянам и детям чиновников – руль государственного управления, выходцам из непривилегированных сословий – авансцена торгово-промышленной деятельности. С течением времени отечественная высшая школа обрела зримые черты всесословности по социальному составу студентов, хотя представительство в ней «первенствующих» и демократических сословий находилось еще в явном диссонансе с той ролью, которую играли представляемые ими слои населения в социально-экономической и культурной жизни российского общества.

Литература

- Воробьева 1979 – Воробьева Ю.С. Московский городской народный университет им. А.Л.Шанявского // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР: Сб. статей. М., 1979.
- Дружинин 1990 – Дружинин Н.М. Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990.
- Иванов 1991 – Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX в. М., 1991.
- История СССР 1965 – История СССР. 1965. №2.
- История СССР 1969 – История СССР. 1969. №2.
- Краткие статистические сведения 1913 – Краткие статистические сведения по подведомственным Департаменту земледелия сельскохозяйственным учебным заведениям к 1 января 1913 г. СПб., 1913. Вып.2. С.ХІІІ.
- Лейкина-Свирская 1971 – Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М., 1971.

Обзор 1913 – Обзор Киевской губернии за 1913 г. Киев, 1913. Ведомость 15.

Отчет 1905 – Отчет Высших женских курсов в Москве (за 1903/1904 учебный год). М., 1905.

Отчет 1906 – Отчет о состоянии С.-Петербургских высших женских курсов за 1904–1905 гг. СПб., 1906.

Отчет 1914 – Отчет о состоянии С.-Петербургских высших женских курсов за 1912–1913 гг. СПб., 1914.

Отчет 1917 – Отчет Московского коммерческого института: 1914–15 г. М., 1917.

Русская мысль – Русская мысль. 1912. Кн. VI.